

Абсолютная монархия временами бывает чертовски эффективна.

В эту эпоху император для всех был небом и законом. Даже если бы он вздумал вознамериться начать восточный поход на Японию, вряд ли нашлось бы много желающих отчаянно этому препятствовать.

После того как господин Чжан ушел, со стороны внутренних покоев принесли начисто переписанный свод правил. Иероглифы были изящными и аккуратными, да и сама систематизация пунктов пришлась ему по душе.

Хотя Ю Цун с некоторым трудом разбирал традиционные иероглифы, он все же смотрел на бумагу с улыбкой. Кистью с киноварью он обвел два неподходящих места и уже собирался было сделать пометки, как вдруг сообразил, что умеет писать только современные упрощенные иероглифы.

— Да вы издеваетесь.

Император, вооружившись кистью, долго сидел в глубоких раздумьях, затем позвал евнуха Хуана и подробно объяснил ему, какие пункты подлежат исправлению, велел лично вернуть этот свод дворцовых правил обратно.

Похоже, придется теперь каждый вечер уделять время упражнениям в каллиграфии.

Хотя министр Чжан удалился, Ю Цун, поглаживая подбородок, все еще чувствовал, что что-то здесь не так.

При создании нового ведомства туда непременно потребуется перевести немало людей.

Господин Чжан изначально занимал пост министра, а теперь, когда они вместе с Ся Янем ушли, кто займет их прежние места?

К тому же, из слов этого старика он смутно уловил кое-какие намеки.

После стабилизации государственной власти прежний хозяин этого тела принялся ревностно заботиться о процветании страны и затеял масштабные реформы.

Но он сам знал обо всем этом непростительно мало.

— Позовите Лу Бина.

Когда Лу Бин вошел в тронный зал, император полулежал, прислонившись к столу, и

рассеянно вертел в руках нефритовую кольцевую бляху для стрельбы из лука.

Его миндалевидные глаза слегка приподнялись, а тонкие губы были плотно сжаты, источая отстраненную, прохладную ауру.

— Пришел господин Лу? — глаза Ю Цуна вспыхнули, и он жестом велел тому встать и сесть.

— У меня после головной боли сбилась память, многое помню как в тумане.

— Не мог бы ты припомнить, что происходило в эти последние семь лет?

Он не осмеливался спрашивать кого попало, но этот человек все-таки был его другом детства, к тому же обладал спокойным и сдержанным нравом, так что ошибки быть не должно.

Тот молчаливый и надежный мужчина поднял голову и, не говоря ни слова, опустился на сиденье.

Внутренние покои Дворца Небесной Чистоты были погружены в полумножество теней, и в мягком свете свечей и узорных фонарей черты лица молодого правителя казались особенно точеными, приобретая в этом нежном сиянии редкое тепло.

За семь лет после вступления во дворец Лу Бин строго соблюдал долг подданного, словно позабыв о том, как они когда-то бегали и резвились в бамбуковой роще.

И все же в глубине души тот образ задиристого юноши, что кричал: «Брат А-Пан!», по-прежнему оставался отчетливым и живым.

Лу Бин собрался с мыслями и заговорил вновь, неторопливо и размеренно:

— В первый год Вашество пожаловали кровным родителям титулы вдовствующих императора и императрицы, повелели каждые три года проводить смотры военных сил и снаряжения во всех приграничных округах, доставили зерно для помощи пострадавшим от бедствий в четырех провинциях, а также возвели в сан императрицу из клана Чэнь.

— Во второй год Вашество спасли от голода Ляодун, освободили подданных Поднебесной от половины земельного налога в связи с неурожаем, три страны Западного края принесли дань, а Алтан-хан совершил набег на Датун.

— В третий год в четырех провинциях произошло землетрясение, состоялось великое жертвоприношение Небу и Земле. Янь Тинхэ и несколько других старых сановников ушли в отставку по старости, были заново учреждены многие должности в Министерстве обороны, подавлены мятежи бандитов в двух областях...

Ю Цун молча слушал его рассказ о событиях прошлых лет, и в его душе вновь поднималась буря.

Он вдруг вспомнил.

Об этом отрезке истории он действительно читал урывки, когда некогда изучал исторические труды.

Седьмой год правления Цзяцзин пришелся как раз на середину периода расцвета, известного как Восстановление Цзяцзин.

Нынешний Цзяцзин не только еще не погряз в поисках бессмертия, но и был усердным правителем, стремившимся к возрождению государства.

Он претворял в жизнь свои грандиозные замыслы, проявлял заботу о народе и проводил масштабные реформы, пытаясь вернуть простому люду мир и благоденствие.

Вся та неприглядная история началась лишь десять лет спустя.

— На шестой год Вашество повелели сановникам изложить бедствия и нужды простого народа, возвели заместителя министра обороны Чжан Цуна в ранг министра ритуалов и научного академика Вэньюаньгэ, — Лу Бин слегка замялся, подбирая слова, и продолжил: — Бывший нанкинский министр обороны Ван Шоужэнь принял под свое начало военные дела трех провинций и усмирил мятежных варваров в районе Тяньтянь.

— Подожди-ка, — Ю Цун инстинктивно знаком велел ему остановиться и изумленно переспросил: — Ван Шоужэнь?

Лу Бин осторожно кивнул и больше не произнес ни звука.

Он что, ослышался?! Господин Ван Янмин — это же невероятно яркая страница в истории династии Мин!

Ван Шоужэнь еще жив! И к тому же сейчас этот человек, судя по всему, находится в Нанкине!

В голове Ю Цуна мысли закрутились еще быстрее, и в памяти одна за другой всплыли другие знакомые фамилии.

Точно! Это же эпоха Цзяцзин — здесь есть Ван Шоужэнь, есть Сюй Вэньчан, есть Ци Цигуан, есть Чжан Цюйчжэн...

Бесчисленные звезды сошлись здесь и засияли разом, озарив своим блеском целую эпоху!

Кто же еще был здесь?!

Погодите, кажется, он забыл еще одного человека!

Император налил себе чашку горячего чаю и, воспользовавшись тем, что напиток еще не остыл, пригубил больше половины, не сводя с собеседника сияющих глаз.

— У Янь Тинхэ часом нет сына по имени Янь Шэнь?

— Будто воды бурной реки уходят на восток, волнами смывая героев!

Пятая глава

Этот Янь Тинхэ был поистине выдающимся талантом: в двенадцать лет он сдал провинциальные экзамены, а в девятнадцать уже стал цзиньши.

Если бы не его мудрость и глубокая эрудиция, позволившие ему за последние десятилетия спасти страну от крушения, эта династия давно бы уже оказалась погребена в руках предыдущего никчемного императора Чжу Хоучжао.

Позже, когда на престол взошел новый император, он, опасаясь чрезмерного влияния этого старого сановника, придумал способ отправить его доживать свой век в Цзянси, и в этом не было ничего предосудительного.

При смене власти неизбежно происходил передел сфер влияния, и раз уж император Цзяцзин за эти годы то увольнял министров, то принуждал их к отставке, то можно сказать, что бразды правления он вновь прибрал к рукам.

Янь Тинхэ постарел, толку от него уже было мало, но ведь у него оставался сын.

И этот Янь Шэнь — тот самый автор строк о бурных водах реки, уходящих на восток!

И в учености, и в отваге он не уступал лучшим мужам своего времени, жаль лишь, что его таланты остались невостребованными и он так и прожил жизнь в тоске, принеся пользу лишь простому народу на Юго-Западе, но не сумев вернуться и послужить при дворе!

Лу Бин, видя улыбку на лице императора, кивнул:

— Отвечаю Вашему Величеству: Янь Шэнь после наказания палками при дворе был сослан на

Юго-Запад.

Среди талантов эпохи Мин Ван Шоужэнь был фигурой эпохальной, и Янь Шэнь — тоже.

Оба не только прекрасно знали классические тексты и владели словом, но — и это главное — оба разбирались в военном деле и оба с помощью ополчения из числа малых народностей умирляли мятежи в провинциях.

Ю Цун сделал у себя пометку в мыслях и без колебаний произнес:

— Передай мой тайный указ: доставить этих двоих господ ко двору, чтобы обсудить со мной создание новых ведомств!

Лу Бин быстро все записал и тут же удалился.

Имея при себе таких министров, даже если он сам временами станет колебаться, на душе у него будет куда спокойнее.

Хотя теперь он и стал императором, в глубине души он все еще сохранял трепетное отношение поклонника.

Встреча с этими двумя будет сродни рукопожатию с Ли Бо или распитию вина в компании Ду Фу.

Хуан Цзинь, заметив, что император сидит в одиночестве, осторожно приблизился и доложил:

— Ваше Величество, уже полдень, не изволите ли велеть Гуанлусы подать обед?

Ю Цун на мгновение замер, а затем кивнул.

Он действительно проголодался.

Сегодня он провел на ногах всю ночь, а проснувшись, успел и во внутренних покоях порядок навести, и с сановниками повстречаться. Теперь же, стоило евнуху Хуану напомнить о еде, как у него самого стали слипаться глаза.

Пожалуй, днем стоит поспать подольше...

В Ведомстве императорских трапез уже все было готово: на стол выставили свыше десятка блюд, так что он оказался полностью заставлен тарелками.

Не говоря уже о том, что названия этих искусно приготовленных яств он даже выговорить не мог бы, стоило лишь взглянуть на расписанные синей глазурью или еще каким-то неведомым фарфором чаши и блюдечки, чтобы ощутить себя посетителем грандиозной выставки в столичном музее.

Ю Цун взял миниатюрную пиалу из белого фарфора с узором в виде лотоса и принялся рассматривать на свету ее прозрачные стенки.

Даже такая крошечная розовая плошка для холодных закусок была так прекрасна, словно вырезана из нефрита.

Хотя современные технологии производства пластмассы и стекла достигли высот, в тонкости ручной работы им все же было далеко до этих созданных руками мастеров шедевров.

О правилах трапезы императоров он слышал и раньше.

Каждого блюда разрешалось отведать лишь понемногу — из опасения, что недоброжелатели подожмут отравителя.

Впрочем, Ю Цун сейчас вовсе не собирался набрасываться на какую-то конкретную тарелку — обед выглядел точь-в-точь как шведский стол: множество яств тянулось ровным рядом, пестря красками и ароматами так, что глаза разбегались, и с палочками в руках было даже трудно сообразить, к чему именно подступить.

Поразмыслив с минуту, император подцепил кусочек тофу и попробовал его.

Жуя, он почувствовал, что что-то здесь не так.

— Хуан Цзинь, — не выпуская палочек из рук, нахмурился Ю Цун. — Что это за гадость?

— Отвечаю Вашему Величеству, это тофу.

— Это определенно не тофу. — Ощувив неладное, он зачерпнул палочками еще немного.

Как бы искусно блюдо ни было приготовлено, мясо и соевые продукты все же имеют хоть малейшее, но отличие.

— Но... это же самый настоящий тофу, — с угодливой улыбкой проговорил евнух Хуан. — Никаких отличий от прежних лет и установленных правил.

— Нет, — император отложил палочки, сделал глоток чая и скорбно произнес: — Я-то

распробовал.

— Это же черт побери куриные мозги!

Формой оно, пожалуй, и напоминало соевый творог, но ни по текстуре, ни по вкусу эта штука не имела к нему никакого отношения — это было чистейшее мясо!

Ю Цун потыкал в блюдо палочками и вдруг, соединив знания древности и современности, отчетливо понял одну вещь.

Он вспомнил, что сам Великий предок, товарищ Чжу, желая, чтобы потомки не забывали о тяготах былых времен, велел подавать к каждому столу какое-нибудь простое крестьянское блюдо — например, тарелочку тофу.

В итоге эта идея бережливости и скромности, передаваясь из поколения в поколение, естественным образом исказилась до неузнаваемости.

Его предшественники на троне либо предавались развлечениям с наложницами, забывая обо всем на свете, либо с головой уходили в устройство зоопарков и изучение плотницкого ремесла, и среди них почти не оставалось нормальных людей, а образ жизни соответствовал принципу «чем более распутно, тем лучше».

Заветам предков следовать положено, но раз уж каждый император сам почитался за предка, чиновники из Гуанлусы пускались на всякие ухищрения и извращались как могли, лишь бы угодить и польстить правителю.

Сейчас у него возникло крайне нехорошее предчувствие.

Вполне вероятно, что все эти люди из Ведомства императорских трапез уже давным-давно держат императора за круглого идиота.

Однако обедать все равно было нужно: если бы он сейчас швырнул палочки и приказал притащить сюда эту шайку мошенников, с делами он провозился бы далеко за полночь.

— Будь добр, Хуан Цзинь, позови-ка Лу Бина снова.

Ю Цун опустил голову и принялся за еду, изо всех сил пытаясь делать вид, что он совершенно невозмутим, хотя получалось не слишком успешно.

Тушеные креветки с соусом и гусиные крылья еще кое-как можно было есть, а вот свиная рулька оказалась перетушенной и жестковатой.

Подача блюд, конечно, не уступала лучшим мишленовским ресторанам, но одни только золотые блюда и нефритовые пиалы с выгравированными драконами и фениксами, а также тяжеленные золотые палочки заставляли человека чувствовать себя так, будто его душу полощат в грязи.

Да и вкус, если честно, оставлял желать лучшего — просто продукты сами по себе дорогие.

Возможно, сказывалась разница во вкусах между севером и югом, ведь северяне к тому же едят соленый тофу-нао — уму непостижимо.

Император издал разочарованный цокающий звук.

По первому зову явился Лу Бин и молча отвесил поклон.

Бирка Управления передачи докладов уже покачивалась у него на поясе — судя по всему, работал он весьма оперативно.

— Я хочу увидеть финансовую отчетность. — Ю Цун отложил палочки, взял салфетку, чтобы проткнуть губы, и тут же сообразил, что выразился слишком по-совместимому: — Ступай в Небесную сокровищницу и принеси мне бухгалтерские книги Гуанлусы за последние два квартала, я лично просмотрю их.

Лу Бин кивнул и удалился. Не прошло и времени, затрагиваемого на сжигание одной палочки благовоний, как он вернулся, неся бухгалтерские книги, и замер у стены, затаив дыхание.

Хотя Ю Цун затаил обиду на этих поваров, после утомительного утра у него разыгрался отменный аппетит, и он с удовольствием умял две пиалы риса под рыбу.

Наевшись и напившись вдоволь, он знаком велел Лу Бину поднести книги, выбрал наугад одну из них и, потягивая чай, принялся бегло знакомиться с общим положением дел.

Чем дальше он читал, тем темнее становилось лицо императора.

Еще будучи современным человеком, он наслышался немало нелепых историй о дворцовых порядках.

Того же императора Гуансюя вырастили во внутренних покоях дворца и на полном серьезе уверяли, что одно яйцо стоит семь-восемь лянов серебра, так что бедняга даже ел их с великим трудом, экономя каждый грош.

Неужели эти негодяи решили, что император настолько глуп, и посмели вписать в отчеты все что угодно?!

— Скажи мне, кто стоит во главе всего этого Ведомства императорских трапез? — Ю Цун поднял голову, и от его голоса повеяло холодом. — Восемьдесят тысяч лянов серебра за два квартала?!

Да во всем гареме вместе с ним самим насчитывалось всего-то несколько человек! Неужели Гуанлусы тратило такие деньжищи на откорм свиней?!

— Ныне надзирающим за делами чиновником состоит господин Жэнь Тун, — склонив голову, ответил Лу Бин. — Он отвечает за контроль расходов и прочие подобные вопросы.

— Приведите сюда этого цензора и главу Гуанлусы, — Ю Цун взял чашку, отпил горячего белого чаю из Хунчжоу и холодно произнес: — Я желаю выразить им особую признательность за их труды.

Оба чиновника не успели толком отойти от утреннего заседания, как Цзиньвей снова приволокли их во Дворец Небесной Чистоты и велели ждать снаружи; прошло немало времени, но вестей все не было.

Жэнь Тун и Фан Чао переглянулись, но не смели даже шептаться, покрываясь холодным потом с головы до ног.

Император приказал опустить две двойные марлевые занавеси, а затем попросил Хуан Цзиня найти не так давно попавшего во дворец юного евнуха и поставить его сбоку от занавесок так, чтобы тот видел только самого императора.

— Позвать Жэнь Туна и Фан Чао войти!

Оба сановника с замиранием сердца вошли в зал, но сквозь занавеси не могли разглядеть, кто еще там находится, поэтому им оставалось лишь бухнуться ниц перед императором с таким благоговейным видом, будто они предстали перед самими предками.

Ю Цун взвесил в руке бухгалтерскую книгу и неторопливо произнес:

— Знаете, что у меня в руках?

Фан Чао набрался храбрости, поднял глаза и трепещущим голосом ответил:

— Э-э... это бухгалтерские книги.

— Я спрашиваю тебя, — Ю Цун поднял взгляд и в упор посмотрел на него. — Сколько всего служащих числится по всему Ведомству императорских трапез?

Глава Гуанлусы занимал высший пост в этом ведомстве и просто не мог не знать о подобных безобразиях.

— Отвечаю Вашему Величеству... всего две тысячи восемьсот человек, — Фан Чао снова быстро опустил голову, мысленно вопрошая, за что же взялись именно за него.

Ю Цун ничего не ответил, лишь бросил косой взгляд на стоявшего рядом Лу Бина.

— Согласно выплачиваемому по этим книгам жалованью, их три тысячи шестьсот, — бесстрастно доложил Лу Бин.

— Да! Да! Три тысячи шестьсот человек! Ваш слуга оговорился!

Да как же в одном ведомстве, что ведаёт лишь придворными жертвоприношениями да банкетам и отвечает за всю еду, умудрились раздуть штат до трех с лишним тысяч ртов?!

Сдерживая гнев, Ю Цун не стал допытываться дальше и холодно бросил:

— Сколько стоит одно яйцо?

«Пропало, — подумалось чиновнику. — Видно, кто-то из недоброжелателей донес на него императору, и теперь его решили сжить со свету».

Не обращая внимания на смертельно бледного Жэнь Туна, Фан Чао из последних сил выдавил:

— Отвечаю Вашему Величеству: три лян серебра за штуку.

— Ну-ка, скажи мне, — Ю Цун покосился на стоявшего сбоку перепуганного юного евнуха и приподнял бровь. — Сколько оно стоит?

Мальчик-евнух понимал, что император благоволит к нему, и звонко отрапортовал:

— Три вэня!

Императорские пальцы методично постукивали по подлокотнику тронного кресла, и этот стук заставлял кровь стынуть в жилах каждого присутствующего.

— Похоже, память господина Фаня подводит его, — с тихим смешком произнес Ю Цун и снова спросил: — А сколько стоит одна курица?

Даже если Фан Чао и пытался искусственно занижить цены, в бухгалтерских книгах все было записано предельно четко.

Фан Чао уже не смел раскрыть рот, хотя лица своего поднять перед императором не мог — его лоб покрылся градом испарины от страха.

— Что, опять забыл? — Ю Цун постучал пальцем по подлокотнику, и стоявший рядом Лу Бин бесстрастно зачитал: — Согласно записям в книгах Небесной сокровищницы, одна курица стоит двадцать лянов серебра.

— Сколько? — снова приподняв брови, осведомился император.

Юный евнух осмелился назвать истинную цену:

— Обычная курица — двадцать вэней! Чернокожая — тридцать вэней!

— Господин Фань, что же вы дальше-то не сочиняете? — Ю Цун слегка подался вперед, держа в руке бухгалтерскую книгу, и холодно усмехнулся: — Продолжайте сочинять!

Книга в его руке со злополучным звуком плашмя ударила толстомордого чиновника прямо по лицу!

— За два квартала вытянуть восемьдесят тысяч лянов серебра!

— И цензоры из палаты контроля ни словечка не обмолвились!

— Вы решили меня за дурака держать?!

Лу Бин затаил дыхание и украдкой бросил взгляд на императора, чьи глаза гневно сверкали, из-за чего он в эту минуту подозрительно напоминал распушившую шерсть домашнюю кошку.

Не дожидаясь, пока оба чиновника снова зальются слезами и начнут молить о пощаде, Ю Цун взмахнул рукой:

— Выволоките их отсюда! Дать обоим по пятьдесят палок по задницам и бросить в темницу!

Тут он что-то вспомнил, бросил взгляд на Лу Бина и понизил голос:

— Держите все в тайне, покамест просто посадите их на цепь.

Вот выплыву — тогда и займусь вами, ублюдками, поодиночке.

Шестая глава

Уснув, Ю Цун проспал тяжелым, беспробудным сном целых два часа.

Ему казалось, что все происходящее — сплошной кошмар, но даже во сне перед его взором то и дело возникали картины прошлой, современной жизни.

Когда он проснулся, за окном уже сгустились сумерки, во дворце стояла тишина, нарушаемая лишь редким щебетаньем птиц на улице.

Он медленно приподнялся на локте, собираясь включить настольную лампу, но рука его встретила пустоту.

...Назад в свое время он так и не вернулся.

Император принял из рук служанки чашку горячего чаю и бросил взгляд на пиалу из белого фарфора, ощущая себя так, будто поселился прямо в экспозиции музея.

Он сладко потянулся, велел сделать свет дворцовых светильников ярче и велел позвать Лу Бина.

— Ваше Величество, — Лу Бин по-прежнему стоял, склонив голову и согнувшись в поклоне, двигаясь бесшумно, точно страж-ассасин.

— Те двое взрослых людей все еще в темнице? — приподнял бровь Ю Цун. — И сколько же всего народу нынче числится в Гуанлусы? Разве эти должности не передаются по наследству?

Он чувствовал, что здесь кроется какой-то подвох.

Одно лишь ведомство, отвечающее за питание императорской семьи, не могло раздуть штат до такой степени — это же не Внутреннее ведомство, набирающее служанок.

Лу Бин на мгновение задумался и медленно произнес:

— Ваше Величество, Гуанлусы отличается от прочих ведомств — туда принимают независимо от происхождения, жалование чинам назначается вольным порядком.

Поскольку это ведомство ведало не только подношениями со всех четырех сторон света, скотом, винами и яствами, но и отвечало за проведение церемоний, банкетов и придворную

кухню, контроль за набором людей там был из рук вон плох, и из года в год туда проникало немало простолюдинов в поисках теплого местечка.

Ю Цун позволил служанкам облачить себя в длинный халат с нефритовым поясом и долго молчал.

Из этих трех с лишним тысяч человек, если сократить штат, четырех-пяти сотен, пожалуй, вполне хватило бы.

Но оставшиеся две с лишним тысячи нельзя было просто так выставить за ворота, объявив бродягами.

Бездомных в Поднебесной и так было слишком много, это напоминало масштабную волну массовых увольнений с последующим поиском работы...

— Среди этих трех тысяч наверняка найдутся грамотные, верно? — Ю Цун приподнял брови. — Моя воля такова: провести проверку всех чиновников и слуг в подразделениях Гуанлусы и составить подробные списки.

— Подробные? — удивился Лу Бин.

— Именно, — улыбнулся Ю Цун. — Кто владеет крестьянским ремеслом, кто смыслит в кулинарном искусстве — записывать все как есть. Всех, у кого за плечами большой опыт в земледелии, в обязательном порядке выделить в отдельные списки и передать бумаги господину Чжану, пусть он отберет способных людей, в дальнейшем им найдется применение.

— Ваше Величество хочет сказать, что из этих трех тысяч людей нужно сначала отделить часть?

— Шаг за шагом, глядишь, и для них отыщется новая служба.

— Да, кстати... Хуан Цзинь! — громко окликнул он слугу.

— Старый раб здесь!

— Отныне мои повседневные трапезы переходят в ведение Дирекции ритуалов, и больше не будут готовиться силами Гуанлусы.

Император потрепал себя по подбородок, размышляя о том, что устроить себе персональную кухню — это тоже своего рода маленькое удовольствие.

Вкусно ли готовят в Гуанлусы, он не знал, но уж то, что еду, стряпаемую евнухами, во все времена превозносили историки, было непреложным фактом.

В эпоху правления императоров Цзяцзин и Ваньли Дирекция ритуалов взяла на себя хлопоты по приготовлению императорских яств, начав готовить для правителя отдельно.

Стоит ли говорить, что эти евнухи, тучные от жалования и золота, держали в собственных малых кухнях нанятых ими личных мастеров.

Большая часть дворцовой работы сводилась к поручениям и беготне, не требуя хлопот с очагами и готовкой, и раз уж теперь это дело переходило в ведение Дирекции ритуалов, евнухи наверняка наймут искусных поваров, чтобы те стряпали со всем тщанием.

Хуан Цзинь поспешно отдал распоряжение и отступил назад.

Лу Бин замер в ожидании у стены, готовый в любую минуту исполнить любое повеление.

<http://bllate.org/book/20063/1984645>